

ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ БРАКЕ*

В социально-конструктивистских исследованиях последней трети двадцатого века сексуальность и сексуальные отношения осмысливаются как феномены, имеющие историю и регулируемые дискурсами/социальными институтами. Особое место среди этих институтов занимает брак. Отрыв сексуальности от репродуктивного поведения повсеместно признается одной из главных тенденций изменения сексуальных отношений второй половины двадцатого века (“сексуальной революции”). Однако, как утверждает Гейл Рубин, продолжают существовать устойчивые типы (раз)мышления о сексе, согласно которым секс “является допустимым (или - по крайней мере – предпочтительным, – *А.Т.*), если им занимаются в браке, преследуя репродуктивные цели и не получая от него особого удовольствия”, а “сексуальность не имеет ни истории, ни значительных социальных детерминант” (Рубин 2001, 479, 476) и выступает исключительно как природный феномен.

Причины либерализации сексуальности (“сексуальной революции”) в 1960-х гг. в западных обществах связываются с секуляризацией и модернизацией, распространением идеологий и практик женских и молодежных движений, публичным обсуждением сексуальности, формированием рынка контрацепции, коммерциализацией сексуальности и пр. В это время в советском обществе отсутствуют публичные дебаты о сексуальности, а институциональные изменения, влияющие на сексуальную сферу, имеют противоречивый характер. В официальных дискурсах продолжает доминировать модель исключительно “семейно-брачного” сексуального поведения, которая во многом воспроизводится и в повседневной жизни. Однако в это же время происходят существенные изменения сексуальных практик – “революция в повседневности” (Rotkirch 2000, 24), способствующая выходу сексуальности за пределы брака и репродуктивного поведения.

В данной статье я покажу, как происходило выведение “половых отношений” в позднесоветский дискурс, конституирующий нормы брачной сексуальности и гендерных различий. Затем, используя материалы исследований повседневности, я попытаюсь представить картину брачной сексуальности в России. На основе анализа интервью в статье реконструируются процесс и причины рутинизации позднесоветской брачной сексуальности, а затем – способы преодоления “брачной рутины”.

Целью данной статьи является анализ сексуальности в дискурсе и повседневности позднесоветского периода. Анализ дискурса проводится на основе опубликованных с 1960 года по 1985 год научных и научно-публицистических работ, затрагивающих “половые отношения”. Анализ брачно-сексуальных отношений в повседневности осуществляется по материалам интервью с городскими образованными женщинами и мужчинами, родившимися в

---

* Автор благодарит И.Кона, А.Клещина и Е.Здравомыслову за замечания и комментарии.

период с середины 1930-х до середины 1960-х годов, формативный период которых пришелся на 1950-е – 1980-е годы.¹

ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТОВ

Как показали современные исследователи сексуальности и гендерных отношений, на протяжении советского времени регуляция сексуальности, осуществляемая через семейную и гендерную идеологию и политику, претерпевала изменения: от периода сексуальных экспериментов 1920-х годов – к тотальному подавлению и умолчанию сталинского времени – и затем – к индивидуализации и ограниченной либерализации 1960-х гг. (Rotkirch 2000, Роткирх 2002; Кон 1997, Чуйкина 2002). До начала трансформационного периода в России сексуальность вообще и брачная сексуальность – в частности – редко становились предметом общественного внимания и специальных исследований. Дискуссии по вопросам сексуальности (в терминах “полового вопроса” и “половой жизни”), начатые в 1920-е гг., постепенно вытеснялись в 1930-е гг. обсуждением нравственных ценностей и морали в бытовой и семейной сферах. В период репрессивной политики 1930-х – 1950-х годов практически прекратились публичные упоминания интимной сферы. Коммунистическая идеология была призвана поддерживать моральные нормы в общественной и частной жизни, сексуальность должна быть “очищена” от деструктивной нерепродуктивной страсти и подчинена коммунистической морали.

В позднесоветской публицистической и академической литературе, начиная с 1960-х годов, частная сфера (быт, семья, образ жизни и пр.) постепенно становится легитимным предметом исследования и обсуждения, однако рамки этого обсуждения ограничены основными постулатами социалистической идеологии и морали. Любовь и половые отношения отождествляются с браком-семьей – основной ячейкой социалистического общества. Укрепление семьи рассматривалось в контексте совершенствования социалистического образа жизни, реализации возможностей развитого социализма (Харчев 1979, 5). Основные функции семьи – воспроизводство населения и воспитание детей (См. Харчев 1968, *Семья сегодня* 1979) – наделяются государственно-идеологическим значением. Эффективная демографическая политика является одной из задач Коммунистической партии (Антонов 1980); цель воспитания, в соответствии с Программой КПСС, – формирование личности социалистического типа, гармонически сочетающей в себе духовное богатство,

---

¹ Эмпирической базой данного исследования являются 18 интервью с женщинами и 18 интервью с мужчинами, которые проводились в 1995-1996 гг. в рамках российско-финского проекта “Социальные изменения и культурная инерция в России”. Исследование сексуальности осуществлялось под руководством финских социологов Э. Хаавио-Маннилы, Й. Рууса и А. Роткирх и включало конкурс сексуальных биографий (организаторы – Е. Лагунова и А. Клещин), опрос населения Петербурга (1996 год), проведение сексуальных интервью (организатор – Е. Здравомыслова). В данном исследовании используются: (1) 18 биографий женщин старше 27 лет трех возрастных когорт: шесть биографий женщин в возрасте 57-63 лет; семь – в возрасте 39-48 лет; пять – в возрасте 27-34 лет; (2)

моральную чистоту и физическое совершенство (Харчев 1979, 162). Некоторые авторы упоминают и сексуальную функцию семьи (Юркевич 1970, 70), однако эта функция не имеет идеологического подкрепления и потому предстает как “естественное” воплощение того, что не заслуживает специального внимания.

Одновременно, в 1960-1980-е годы на периферии общественного дискурса начинается ограниченное обсуждение “половых отношений” (преимущественно в терминах “половой жизни”, “интимной близости”, “половых сношений”)². Это связано с ослаблением репрессий и контроля в обществе в целом, с частичной либерализацией сексуальной и гендерной политики, с общими тенденциями изменений в российском и западном обществах, игнорировать которые становится все сложнее. Советской семье и морали угрожает увеличивающееся число разводов, падение рождаемости. Изменяются практики поведения молодежи, получают более широкое распространение добрачная и внебрачная сексуальность. Новые тенденции в основном замалчиваются, однако в ограниченном масштабе возникает критическая рефлексия, выводящая “половые отношения” в публицистический, медицинский, педагогический, социологический, психологический, культурологический и юридический дискурсы.³

Дискурсивное оформление “половых отношений” в сфере общественного обсуждения происходит в двух основных вариантах: с одной стороны, это попытка просвещения, получения и распространения научного знания, с другой - критика “отдельных” сторон советского общества и выработка рецептов для преодоления негативных явлений в области сексуальной жизни⁴.

Отсутствие элементарных знаний фиксируется многими авторами: “несмотря на насущную потребность, различные аспекты семейно-половых отношений абсолютно неизвестны многим людям” (Кушнирук, Щербаков 1982, 10). Просвещение, дающее “элементарные знания” об анатомии, физиологии, половых отношениях, детской сексуальности, начинается в медико-гигиенической области и в основном ею и ограничивается. В 1960-1980 появляются сексологические центры, происходит становление сексопатологии и сексологии (Кон 1997, 178-184). Из популярных, но труднодоступных книг по сексо(пато)логии можно было получить представление о некоторых взглядах Фрейда, Кинзи, Мастерса и Джонсона, о возрастных и половых особенностях влечения и половых функций, но преимущественно – об их нарушениях: психо-соматических сексуальных расстройствах, их лечении и профилактике (Исаев, Каган 1979; Свядоц 1974, Васильченко

---

18 биографий мужчин старше 27 лет (14 получены методом интервью и 4 – присланы на конкурс сексуальных биографий): одиннадцать биографий мужчин в возрасте 53-66 лет и семь – в возрасте 33-45 лет.

² Хронологические изменения, происходившие в дискурсе с начала 1960-х до середины 1980-х здесь не рассматриваются. См. Голод (1995).

³ В это время в обществе разворачивается дискуссия об отношении молодежи к семье и браку. В советском кинематографе и художественных произведениях широкое распространение получают романтические идеи; любовь, страсть, дружба становятся центральными темами популярного кино и литературы. Вместе с тем сексуальность и эротика в основном остаются за пределами публичной репрезентации.

⁴ Замечу, что оба варианта часто присутствуют в одних и тех же текстах, хотя существуют тексты, тяготеющие к одному из двух.

1977)⁵. Сексуальная сфера, рассматриваемая с сексо(пато)логической перспективы, включает не только “нормальное” брачно-репродуктивное поведение, но и отклонения от этой нормы, требующие медицинского вмешательства, а также половое развитие человека, (не)приводящее к сексуальным отклонениям. В результате сексуальная сфера предстает более широкой, чем супружеская половая жизнь. При этом медицинское просвещение находилось под сильным институциональным и идеологическим контролем, многие работы были “сдобрены лошадиной дозой морализирования” (Кон 1997, 182) и только некоторые - в основном ограничивались медицинскими аспектами.

С 1960-х годов появляются историко-культурологические исследования сексуальности, в первую очередь И. Кона (Кон 1966; 1967; 1970)⁶, в которых осуществляется попытка противопоставить анализ “объективных социальных сдвигов”, включая “сексуальную революцию”, - “бесподному морализированию” (Кон 1966, 66). Изменения в сфере сексуальности и эротики рассматриваются как исторически и социально заданные, моральные нормы в сексуальной сфере - как контекстуально обусловленные и подверженные изменению; “секс” и “эротизм” описываются вне рамок супружества (отчасти замещенного фрейдами “романтической любви”). Исследования такого рода ограничиваются несколькими работами, в которых, как правило, используется особая дискурсивная стратегия позднесоветского времени - критика буржуазных теорий и капиталистического общества.

Появляется несколько переводных книг по вопросам пола и сексуальности, написанных врачами и обществоведами в научно-публицистическом жанре, которые также остались трудно доступными для широкой публики (См., например, Нойберт 1967; 1960; Борман 1975). В этой литературе, описывающей новые тенденции сексуальности, гигиену половой жизни и пр., подтверждается, что в социалистическом обществе брак, основанный на любви, является легитимной формой половых отношений и объектом государственного, политического и идеологического регулирования. “Наше главное стремление – это достижение счастья в браке и через брак” (Нойберт 1967, 27). Сексуальные отношения в любом социалистическом обществе (в данном случае речь идет о ГДР) - являются предметом общественной заботы: “любовь и сексуальные отношения, будь то брачные, добрачные или наряду с брачными, не должны быть *личным делом* (курсив мой – *А.Т.*) участников” (Борман 1975, 50). Поэтому формирование советского образа жизни должно включать подготовку молодого поколения к браку и семье (Борман 1975, 50).

Некоторые аспекты половых отношений в СССР становятся предметом социологических исследований. В работах С. Голода и ряде других немногочисленных исследований показана распространенность добрачного и внебрачного сексуального

---

⁵ Руководства для врачей, изданные под ред. Г. Васильченко, вплоть до настоящего времени (январь 2003 г.) в РНБ г.С.-Петербурга имеют статус “особо ценных” и выдаются только под залог документа.

⁶ По свидетельству И. Кона, наиболее влиятельной была статья в “*Иностранной литературе*” (Кон 1970).

поведения, добрачного зачатия (Голод 1984; 1970).⁷ Такое поведение рассматривается в рамках эволюционных сдвигов: “предпочтительно, но необязательно вступать в брак; желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием” (Голод 1984, 8). В начале 1960-х годов социологами были “обнаружены” умалчивание роли половых отношений в жизни семьи и потребность молодежи в половом воспитании (Грушин 1964), позднее – поставлены вопросы о роли супружеской сексуальности и эротической привязанности в стабилизации брака, сексуальной неудовлетворенности - в его распаде.

Однако проведение таких исследований, как показал И. Кон, наталкивалось на существенные препятствия. Описание и анализ половых отношений вообще, и особенно тех, которые не полностью совпадали с браком, представляли собой угрозу моральному порядку и потому подвергались особому формальному и неформальному контролю.

В 1980-е годы появляется несколько “пособий для учителей”, в которых предпринимается попытка популярного изложения особенностей полового развития человека (напр. Хрипкова, Колесов 1981; 1982). В таких книгах дается информация о строении и функциях половой системы, о венерических заболеваниях и вредных привычках, о любви и “культуре семейных отношений”. Педагогическое просвещение вписывается в моральный дискурс, утверждая принципиальную незыблемость советской семьи. В подавляющем большинстве случаев в данных текстах предполагается и предписывается “нормальное” сексуальное развитие человека, реализующего свои половые потребности исключительно в браке. Семья является не только личным делом, но и гражданским долгом: “создать хорошую семью и сохранить ее здоровой и счастливой – человеческий и *гражданский долг* (курсив мой – *А.Т.*) каждого юноши” (Ступко, Соколова 1981, 48). “Для нас брак – священный союз”, - пишут кандидат медицинских наук В.Владин и врач-сексолог Д.Капустин (Владин, Капустин 1988, 15),⁸ авторы нескольких популярных книг об интимной жизни начала 1980-х годов.

Итак, просвещение в области половой жизни осуществляется в основном в рамках нормативной модели семейно-брачной сексуальности, при этом в “просветительских” текстах обнаруживаются многочисленные отклонения от данной модели. Незыблемости семьи и коммунистическому воспитанию молодежи угрожают новые явления в частной жизни. Критика этих явлений и рецепты по их преодолению составляют второй дискурсивный поток, проблематизирующий позднесоветскую сексуальность. Основным объектом “правильного воспитания” становится молодежь, которая должна получать информацию о половых

---

⁷ Также см. Харчев (1979, 191-200). Соотношение работ ведущих социологов семьи А. Харчева и С. Голода в области анализа сексуальной сферы и семьи можно проиллюстрировать эпиграммой Л.Н.Когана (воспроизводится по воспоминаниям И.Кона).

Кто был когда-то юн и молод,/Поймет, что значит в сексе голод.

Ни антрекот, ни блин, ни кекс/ Не утолят голодный секс.

В трудах А.Харчев, меру зная,/ Уют семейный воспевают,

А Голод С., не зная мер,/ Усердно хвалит адюльтер.

Оставил сектор нам в наследство/ Идеи светлые свои:

По Харчеву - семья без секса,/ По Голоду - секс без семьи.

⁸ Тираж книги – 75 тыс. экземпляров, в РНБ она имеет статус “особо ценной”.

отношениях в ходе и в русле коммунистического воспитания. “Половое просвещение и воспитание *неотделимы от общего коммунистического воспитания* (курсив мой – *А.Т.*) – воспитания всесторонне, гармонически развитых строителей нового общества, новых общественных отношений” (Ступко, Соколова 1981, 7).

Советскому браку, и главное – советской морали - “угрожают” добрачные и внебрачные связи, ранние беременности, бесплодие, случайные половые связи, онанизм, венерические заболевания, вредные привычки (курение и употребление алкоголя), психосексуальные отклонения и пр.⁹ В задачи полового воспитания входит формирование “критического отношения к пережиткам и влиянию мещанской буржуазной морали, стойкости к влиянию буржуазной идеологии в сфере взаимоотношений мужчин и женщин” (Хрипкова, Колесов 1981, 94). Молодежи угрожает бесконтрольность, стремление к сексуальной свободе и к максимизации наслаждений, с одной стороны, “викторианская” стыдливость и “постное ханжество”, с другой, а также гомосексуализм, порнография и пр. Последним двум явлениям в литературе уделяется лишь незначительное внимание – они криминализованы и потому серьезной “угрозы” для советских людей не представляют.

Другим угрозам посвящены предисловия, обосновывающие необходимость воспитания в данной области, параграфы и главы научно-популярных книг: “мы хотим предостеречь вас от ошибок, за которые приходится дорого расплачиваться” (Ступко, Соколова 1981, 7). Особое внимание уделяется добрачной и внебрачной сексуальности – именно эти тенденции (как показывали немногочисленные исследования данного периода) получают распространение и легитимируются в повседневности. Именно от них авторы пытаются предостеречь подрастающее поколение.

Дискурсивная конструкция предостережений включает идентификацию причин (“пережитки прошлого” и “влияние буржуазной морали”) и описание опасностей, их последствий и способов преодоления. “Легкомысленное поведение” (читай: внебрачные и /или случайные связи) приводит к венерическим заболеваниям, появлению внебрачных детей, утрате (в первую очередь мужчинами) способности к глубоким чувствам, фиксации на физиологии и пр. Последствия гипертрофируются и предстают катастрофическими для личности и гендерной идентичности: “для таких мужчин их потенция становится величайшей жизненной ценностью, определяющей весь смысл их жизни, а ее утрата или хотя бы снижение – крупной жизненной потерей.... Результат - психосексуальная деградация личности” (Хрипкова, Колесов 1982, 44, 46).

Мужчины, реализовав предписанную им сексуальную активность (см. далее), рискуют “деградацией” и утратой маскулинности (отождествленной с сексуальностью), женщины – утратой женственности, реализуемой через “сознательное материнство”: следствием

---

⁹ Приведу только два примера: “легко и рано начатая половая жизнь может стать источником ряда трагедий, причем не только самих участников, но и ребенка, который может родиться от такой связи” (Королев 1978, 63); под влиянием алкоголя “молодые люди нередко вступают в случайные половые связи. А это главный путь, ведущий к заражению венерическими болезнями” (Ступко, Соколова 1981, 26).

безответственности партнеров (особенно мужчин) “нередко бывают... нежелательное рождение детей или вынужденное прерывание беременности” (Борман 1975, 83). Средством противодействия множественным опасностям является нравственное воспитание, цели которого - формирование “правильной” сексуальности и морали “строителя коммунистического общества”. “Девиациям” должны быть противопоставлены высокие идеалы, которым нужно обучать молодежь в целях совершенствования личности.

В дискурсивной борьбе с нежелательными явлениями выстраивается норма сексуального поведения, помещенного в рамки семьи – любви – духовности – деторождения – воспитания детей, которая, в конечном счете, предстает как “естественная”. Основой брака является настоящая любовь, духовное единение и общность интересов, следствием любви-брака - рождение детей. Любовь выступает важнейшим мотивом вступления в брак (Голод 1970а, 49), “любовь - жемчужина человеческих отношений, оправой которой является супружество” (Скрипкин, Марьясис 1985) – этот тезис проходит красной нитью практически во всех текстах, затрагивающих половые отношения. Приводимые цитаты из К.Маркса и Ф.Энгельса, В.Ленина, А.Макаренко подтверждают в разных формах важность любви в социалистическом браке; “любовь” в позднесоветском дискурсе становится предметом специального обсуждения.¹⁰ Итак, брак основан на любви, и “в идеале моногамный брак равнозначен пожизненному супружеству” (Харчев 1979, 219) - эти утверждения, как уже было сказано выше, повторяются в разных вариантах в большинстве текстов.

Однако любовь может выйти за пределы брака. Если авторы единодушны в осуждении случайных (легкомысленных, беспорядочных) связей, особенно в ранней молодости, то в отношении внебрачной сексуальности, основанной на любви, проявляется лояльность. Если любовь “как основа брака выступает в качестве высшего *морального оправдания* (курсив мой – *А.Т.*) половой связи”, - *приходится* признать, пишет один из ведущих социологов семьи А.Харчев, - “*моральную правомерность* (курсив мой – *А.Т.*) такой связи, когда любовь по тем или иным причинам не завершилась браком” (Харчев 1979, 219).

Гораздо смелее об этом пишет в публицистических работах Ю.Рюриков, выступая против “морализма” и “морализаторов”. Современная семья с его точки зрения, узка для личности и для любви, хотя и является “одним из главных русел, в которых течет любовь” (Рюриков 1967, 149, 160). Так или иначе, любовь может служить оправданием измен: “иногда это истинная большая любовь, пришедшая с опозданием” (Владин, Капустин 1988, 179). Иными словами, любовь легитимирует отклонения сексуальности от брака. И поскольку возникновение чувств – слабо контролируемый процесс, остается только надеяться, что по мере “большего распространения норм коммунистической морали... такие явления, как внебрачные связи, отомрут, наконец, вовсе” (Владин, Капустин 1988, 173).

---

¹⁰ В одних случаях она является эвфемизмом для описания половых отношений – напр. в *Новой книге о супружестве* Нойберга. В других рассматриваются ее виды, история, литературная репрезентация, соотношение любви и семьи и пр., см.: Рюриков (1967; 1977).

Существуют и другие причины внебрачных связей, которые описываются консультирующими медиками и публицистами на основе историй пациентов и писем читателей. К ним относятся, во-первых, “угасание половой любви”, когда измены становятся “протестом против привычки, однообразия, вседоступности” (Владин, Капустин 1988, 171, 174). Во-вторых, существуют гендерные особенности: измены мужчин связаны с привычкой и усталостью от брака; измены женщин - с неудовлетворенностью сексуальными способностями мужа (Владин, Капустин 1988 171, 174); жены отстают в духовном развитии, стареют раньше мужей и утрачивают привлекательность, в результате чего муж стремится подтвердить свою сексуальную потенцию с более молодыми женщинами (Нойберт 1967, 226-242). Эти процессы предстают “естественными” следствиями жизненного цикла семьи и половых различий. Авторы осуждают данные явления, указывая на их негативные последствия (венерические заболевания¹¹, разводы, одиночество, страдания детей и супруга(и) и пр.) и дают советы о том, как избежать измен. Рецепты касаются, в первую очередь, преодоления рутины брака всевозможными способами (привести себя в порядок, устроить незапланированный праздник, провести отдельно отпуск, обратиться к врачу и пр.) “Супруги должны преодолеть монотонность жизни, придать ей определенное разнообразие”, оставаясь в достаточно неопределенных, но жестких нормализующих рамках: “разумеется, в известных границах, чтобы они не приобрели гротескных форм.” (Марьясис 1983, 91) И, в конечном счете - “я не могу дать супругам лучшего совета, чем совет еще раз влюбиться друг в друга” (Нойберт 1967, 235), чтобы не попасть в ситуацию, которая “противоречит не только нашей социалистической морали, но и морали вообще” (Владин, Капустин 1983, 164). Итак, тенденции изменения в области сексуального поведения в позднесоветский период (в первую очередь, добрачная и внебрачная сексуальность) в данном дискурсивном потоке зафиксированы “негативно” - через критику и необходимость их преодоления.

Таким образом, в то время, как в господствующем дискурсе сексуальность молчаливо признается “естественной” характеристикой индивида, на периферии она предстает как объект просвещения и воспитания, эксплицированного нормирования и контроля.

В данных дискурсах проблематизируется и еще одна составляющая сексуальной сферы – половые различия. С одной стороны, в текстах озвучивается и положительно оценивается (преимущественно советская) эмансипация женщин: в социалистическом обществе они “имеют широкие возможности для выбора занятий по своему желанию, и общество не ставит им в этом ограничений” (Хрипкова, Колесов 1981, 81). С другой – негативно оцениваются последствия “стирания различий”, утверждается необходимость воспитания, учитывающее природные особенности пола. “Ослабление женственности – большая психологическая беда для семейной жизни, для культуры любви, для всего мира личных отношений” (Рюриков 1977, 55).

---

¹¹ “Есть *только один* (курсив мой – *А.Т.*) абсолютно надежный способ избежать заражения – отказаться от всяких внебрачных половых связей”. (Владин, Капустин 1988,181)

Гендерные различия в данных текстах конституируются через апелляцию к естественным биологическим и психологическим различиям полов, мужской и женской сексуальности, а также к “естественному женскому предназначению”. Эссенциалистская позиция эксплицитно утверждает себя через внеисторичность и внеконтекстуальность: “*независимо от эпохи* (курсив мой – *А.Т.*) женственность всегда будет предполагать чуткость эмоционального восприятия, психологическую пластичность женской натуры, специфическую привлекательность для представителей мужского пола; в любую эпоху высоко ценимыми качествами женщины будут качества матери” (Хрипкина, Колесов 1981, 72). При этом имплицитно в такой позиции заложена критика эмансипации (в т.ч. советского образца), эксплицитно - процессов “маскулинизации” женщин и “феминизации” мужчин (Исаев, Каган 1979, 14)¹². Женственность и мужественность фактически становятся ресурсом индивидуализации и самореализации позднесоветского человека. Для того чтобы использовать этот ресурс, нужно описать, объяснить и воспитать половые различия. Девочке – женщине предписывается стыдливость, застенчивость, целомудренность, мягкость, чувствительность, аккуратность и пр., мальчику – мужчине – активность, сила, выносливость, решительность, широта интересов, ответственность и пр.

В сфере сексуальных отношений инициатива будет принадлежать мужчине: “не принято, чтобы женщина сама начинала ухаживать за мужчиной”, поскольку “это противоречит и женской природе, и конкретно-историческим особенностям женской психики” (Хрипкина, Колесов 1981, 86). Даются и более конкретные советы, в первую очередь по поводу особенностей женского оргазма и правильного поведения мужа, способствующего сексуальному удовлетворению жены; при этом жена “никогда не должна оценивать сексуальные способности мужа отрицательно, независимо от того, получает ли она удовлетворение” (Владин, Капустин 1988, 82-88). Даются и советы по поводу того, как должны муж и жена вести себя, например, в первую брачную ночь, в частности муж должен раздевать жену, от него требуется особый такт и внимание, “в первые месяцы интимной жизни *муж должен позаботиться* (курсив мой – *А.Т.*) о том, чтобы ускорить пробуждение у жены чувственности” (Марьясис 1983, 91) и пр. В обсуждении половых различий, особенностей психологии и сексуального поведения выстраивается конструкция “женщины” – реципиента сексуальных отношений и “мужчины” – их инициатора, ответственного за качество половой жизни супругов.

Однако эссенциализация половых различий и сексуальности несет в себе угрозу моральным основам общества, создавая опасность бесконтрольности и выхода сексуальности за пределы брака. “Природа” затрудняет регулирование советского человека. В первую очередь это касается мужчин, которым предписывается активность и подтверждение маскулинности через сексуальные способности. Негативным последствием таких предписаний становится “комплекс Дон-Жуана”, который “гордится своими половыми подвигами и

---

¹² О “феминизации” мужчин и кризисе маскулинности см.: Здравомыслова, Темкина (2002).

старается их даже раздуть” (Хрипкова, Колесов 1982, 47), он стремится к бездуховной физической связи, “уделяет излишнее внимание узко половым отношениям”, пренебрегает потребностями женщины, склонен к изменам и пр. (Хрипкова, Колесов 1982, 44-52). “Природная” сексуальность опасна своей неконтролируемостью, поэтому необходимо не только описание и объяснение половых различий, но и воспитание правильной (нормируемой) мужественности и женственности. Последняя включает эссенциализацию материнских потребностей: женщина “должна знать и помнить, что высшее предназначение в жизни – рождение себе подобного, продолжение рода, а не сиюминутная радость и наслаждение” (Владин, Капустин 1988, 60). Материнство является гражданским долгом женщины по отношению к социалистическому государству, поддерживающего ее целевой социальной политикой¹³, желательно, чтобы оно осуществлялось в рамках полной семьи, однако допускаются (и повсеместно распространяются) отклонения от этой нормы: “материнство вне брака с точки зрения морали не считается больше позорным для женщины” (Нойберт 1960, 50). Эссенциализм в интерпретации женщины не в качестве “человека сексуального”, а в качестве “человека рождающего и заботящегося” имеет сильное политическое и идеологическое подкрепление.

Итак, интерпретации “половых отношений” в позднесоветском дискурсе утверждают моральность брачного секса и естественность половых различий, активность мужской сексуальности, которую необходимо контролировать и удерживать в рамках семьи-брака; сексуальную пассивность женщины и ее материнское предназначение. Профессиональные дискурсы и социальные институты поддерживают нормативные предписания. Нормой считается брачная сексуальность, основанная на взаимной любви и духовной близости; предполагалось, что сексуальные отношения в браке должны приводить к рождению детей; сексуальность (половые отношения) не становилась предметом публичного обсуждения, которое ограничивалось профессиональными рамками и критикой негативных явлений. “Половая жизнь” представляла интимным делом супружеской пары, основанном на взаимной любви и “естественности” телесных практик; брачные отношения предполагали верность и моногамию. Семейно-брачные практики, с одной стороны, следовали этим нормам, но с другой, на всех этапах жизненного цикла реальный опыт отклонялся от предписаний, в частности, начиная с 1960-х годов, получали большее распространение разводы, повторные браки, добрачные и внебрачные связи, происходила нормализация адюльтера в литературе, кино, в повседневности и его проблематизация в периферийных научно-публицистических дискурсах.

Нормативные предписания в отношении брачной сексуальности отражали пронаталистские ценности, лежащие в основе гендерной идеологии и политики государства, и опирались на интерпретацию пола, возраста, деторождения, сексуальности как естественных биологических характеристик и процессов. В повседневной жизни мужчины и женщины

---

¹³ См. подробнее Здравомыслова, Темкина (2003).

следовали данным предписаниям и приспособлялись к ним. Пронатализм и эссенциализм в интерпретации сексуальности выступили основаниями ее повседневной рутинизации в семейно-брачных отношениях. Рутинизация предстает повторяющейся темой в рассказах о брачной сексуальности. Необходимо отметить, что рутинизация сексуальности не является характеристикой исключительно советского брака, однако, как было показано выше, в конкретном контексте циркулируют дискурсы, ее легитимирующие, усиливающие и задающие рамки рассказов о брачном сексе.

ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ: РУТИНА БРАКА

О семейном сексе вспоминать грустно и обидно. Теперь ясно вижу, что от полового акта какое-то удовольствие получал только я, а жены только исполняли свой “супружеский долг. (м, 64)¹⁴

Сквозным мотивом в рассказах о сексуальности в браке является мотив рутинизации. “Рутинизация” в социологии повседневности обозначает предустановленные образцы действия (Гофман 2000, 47) – практическое знание, определяющее, как и когда действовать и как становиться компетентным участником взаимодействия (Garfinkel 1984, 172-3). Применительно к брачной сексуальности это означает, что муж и жена знают (обладают практическим знанием), как себя правильно вести для того, чтобы совершать сексуальное взаимодействие. Это знание основано на здравом смысле и разделяемых моделях поведения, которые обычно не подвергаются рефлексии в повседневной жизни, представляя собой неосознаваемое (автоматическое) воспроизводство уже усвоенных (о-сознанных) образцов.

При этом многие информанты сами называют свою сексуальную жизнь “рутинной”, обозначая этим однообразные и привычные действия, противопоставленные эмоционально насыщенным отношениям (как в браке, так и за его пределами), ярким эротическим и сексуальным ощущениям, разнообразию сексуального опыта. “Рутинной” часто – преимущественно женщины – называют брачно-сексуальную жизнь, не приносящую удовольствия и удовлетворения, однако и секс, приносящий удовлетворение, часто – преимущественно мужчинами – описывается как “привычный” и “монотонный”. Усвоенные образцы поведения воспроизводятся автоматическим – рутинным - образом.

Воспроизводству таких образцов способствует оценка сексуальной жизни и половых различий как естественных, а брачной сексуальности – как основы морального порядка. “Изъяны и несовершенства есть во всем. Так же, как они есть в самой *природе* человека, так есть они и в *природе* супружества... Первый из них – каждодневное, непрерывное и как бы принудительное общение супругов” (курсив мой – *А.Т.*). Происходящее “притупление

---

¹⁴ В скобках указывается пол и возраст информанта (интервью проводились в 1995-1996 годах).

повторяющихся впечатлений – психологический механизм, который постепенно гасит любовь у многих людей”. (Рюриков 1977, 50, 49).

В повседневности сексуальных и брачных отношений гендерная асимметрия считалась естественной: инициатива исходила от мужчины, который определял способы сексуальных взаимодействий и, в конечном счете, от его поведения зависело, как оценивается женщиной сексуальная жизнь и ее собственная сексуальность. Устойчивая гендерная асимметрия в сексуальных отношениях часто приводит к неудовлетворенности ими и оценке их как рутинных. Удачная сексуальная жизнь в браке считается следствием “счастливой случайности” и объясняется тем, что муж оказался опытным и заинтересованным партнером. Приписывание сексуальным отношениям и гендерным различиям статуса “естественности” допускало и отделение сексуальности от брака. Внебрачные связи оправдывались повышенными сексуальными потребностями и активностью мужчин. Любовь и страсть, выходящие за пределы брака, допускались и для мужчин, и для женщин, хотя у женщин чаще сопровождаются чувством вины и в меньшей степени оправдываются.

Беременности и деторождение представляются “естественным” следствием сексуальной жизни. Беременности, не совпадающие с намерением супругов завести ребенка, прерывались абортами – обычной практикой позднесоветского времени. “Планирование семьи” и эффективное использование медикаментозной контрацепции были крайне редкими явлениями. Рождение ребенка в семье для супругов является “поворотным пунктом” в отношениях, влияющим на сексуальную жизнь и изменяющим – чаще всего снижающим – ее значимость в семейных отношениях. Снижение сексуальной активности и уменьшение роли секса в семейно-брачных отношениях связывается также с брачным стажем и возрастом супругов. Такое изменение брачной сексуальности рассматривается как естественная непроблематизируемая рутина. В этом смысле интерпретация сексуальности позднесоветского времени совпадает как с “фундаментальными аксиомами”, согласно которым пол и сексуальность трактуются в рамках эссенциализма, секс допускается, “если им занимаются в браке” (Рубин 2001, 476, 479), так и с нормативными идеологическими установками, отождествляющими брак и сексуальность.

В сексуальной жизни не предполагалось специальных знаний; отсутствие знаний не становилось предметом обсуждения между мужем и женой, как и обсуждение других сексуальных проблем. Исключением могли быть проблемы предохранения от беременности, хотя обычно контрацепция, также как и аборты, считалась “женским делом”. Отсутствует сексуальное образование и доступная научно-популярная литература, сексуальную жизнь в браке и за его пределами характеризует “невежество”, “умолчание” и “лицемерие” (см.: Zdravomyslova 2001; Rotkirch 2000).

“Естественность” интимной жизни в браке составляет основу морального порядка, (не)подчинение которому сопровождается чувствами “стыда” и “вины”. Чувство вины возникает (чаще – у женщин), когда нарушается моральный порядок, когда один из супругов

влюбляется, вступает во внебрачные отношения, уходит из семьи. Чувство вины присутствует у женщин, когда они – в соответствии с моральным порядком - ощущают себя неопытными и неспособными к получению удовольствия и к вербализации сексуальных проблем, свое тело – асексуальным, когда они не умеют эффективно предохраняться, делают аборт и пр. Однако рутинизация сексуальной жизни, нормализуемая моральным порядком, позволяет совладать с брачными депривациями и приспособиться к ним.

Как утверждают многие информанты, на определенном этапе брака сексуальные отношения становятся воспроизводством повторяющихся образцов поведения, которые “ритуализируются” и “рутинизируются”, независимо от степени удовлетворенности ими. Сексуальные отношения либо становятся рутинной сразу, либо эти отношения становятся “очень традиционными, (как) ритуал” (ж, 39) после “медового месяца” (или месяцев) и рождения ребенка.

Причины рутинизации брачного секса рассказчики связывают, во-первых, с отсутствием сильных чувств или их угасанием в супружеской жизни. В ходе жизненного цикла изменяется роль секса в браке, он становится менее значимым. Во-вторых, рутинизация сексуальных отношений связывается с ограничениями позднесоветского времени (в первую очередь, с недоступностью контрацепции¹⁵ и плохими жилищными условиями), с советской гендерной социализацией и с отсутствием сексуального опыта/знаний. В-третьих, женственность отождествляется с материнством, женская сексуальность интерпретируется как пассивная, зависимая от мужа (мужчины); монотонность, однообразие и неудовлетворительность сексуальными отношениями объясняются женщинами неправильным поведением мужа. Мужественность репрезентирует себя через (брачную и внебрачную) сексуальную активность и компетентность (опыт и знание), женская сексуальность - через материнство, репродуктивные практики, (целомудренное) отсутствие опыта и знаний. В описании брачной сексуальности существует сходство у всех позднесоветских возрастных когорт, хотя для более молодых (сорока – и тридцатилетних) свойственна большая рефлексия и проблематизация брачной рутины. Рассмотрим, как репрезентированы причины рутинизации сексуальности в рассказах женщин и мужчин.

“Брак – это непрерывная монотонная функция”

В повседневности рутинные сексуальные отношения описываются через отсутствие сильной эмоциональной привязанности супругов: “Поскольку я не любила своего мужа, то мне всегда хотелось, чтобы он побыстрее отвязался” (ж, 40). Однако и эмоциональная привязанность не всегда изменяет картину, напротив, секс отделяется от чувств и наделяется

---

¹⁵ Контрацепция не являлась абсолютно недоступной в советское время, однако информанты отмечают ее низкое качество, кроме того, существовали устойчивые предубеждения по отношению к медикаментозной контрацепции и отсутствовали знания о ней. (См. Zdravomyslova, Khanzhin 2001).

меньшей по сравнению с ними значимостью: “Я была очень влюблена в своего мужа.... А сексуальная жизнь меня не очень волновала” (ж, 39).

Сильная влюбленность проходит с годами, поскольку “брак – это непрерывная монотонная функция... и это очень важно, насколько ты можешь терпеть человека ... Если ты его видишь почти каждый день, фактически каждый день, тут мало чего остается” (м, 35). Взаимное сексуальное влечение супругов угасает прямо пропорционально стажу семейно-брачных отношений. Секс, в отличие от ранних годов супружества, становится менее значимым компонентом брака. Брачная сексуальность вписана в систему разнообразных отношений, брак – “это очень сложная система, ... материальные, финансовые, нравственные, родственные, жилищные проблемы, здоровье, возраст” (ж, 46) . Сексуальная монотонность не препятствует продолжению супружеских отношений, смысл которых не исчерпывается сексом, скорее наоборот, сексуальные отношения становятся “добавкой” ко всем иным. Появление детей в браке часто снижает значимость сексуальных отношений, но одновременно повышает роль самого брака в совместном воспитании:

Наш брак сегодня держится в основном на детях. Потому что дети одиннадцать и тринадцать лет: сын просто стоит у окна и ждёт, когда я приеду. Ну, куда я денусь?! Честно говоря, я бы сейчас бы с нею и не жил бы. (м, 40)

С ростом брачного стажа жена и муж становятся не только и не столько сексуальными партнерами, сколько партнерами в осуществлении домохозяйства, заботе друг о друге и о детях. “Она заботится о детях, в общем-то, старается заботиться обо мне” (м, 40), - говорит мужчина, который не доволен сексуальными отношениями в браке и постоянно имеет любовниц.

Брачные отношения предполагают исполнение супругами разнообразных ролей. Мужчины озвучивают постепенное возрастание в ходе жизненного цикла значимости карьеры и работы, поглощающих силы и время, и уменьшение интереса к сексу:

Естественно, когда мы были молодыми, то это было чаще ... просто молодым людям делать больше нечего. А когда люди стали постарше, у них же появляется масса дел, и у них полна голова ... т.е. человек, только что вступивший в брак, думает в основном о ней (жене), а человек [более старшего возраста] думает обо всех своих делах, и только потом о ней вспоминает... (м, 57).

Проблему совмещения домашних ролей и приоритетов супружества, отодвигающую сексуальные отношения на периферию, озвучивают женщины: “как жена...я должна была стирать, гладить, убирать за ребенком ... при этом еще испытывать удовольствие от секса и улыбаться” (ж, 34). Кроме того, женщина совмещает эти обязанности с работой, которая также может интерпретироваться как препятствие для нормальной женственности и сексуальности. Чтобы сексуальная жизнь была полноценной, женщина должна избавиться от роли “работающей матери”: если “от сексуальной жизни надо получать удовольствие, то для этого надо жить так, как живет моя дочка сейчас: не работать и заниматься хозяйством” (ж, 62).

Позднесоветский брак легко разрушается, однако причины разводов чаще всего не связаны непосредственно с сексуальными отношениями. Брачная сексуальность (в случае

сохранения брака) постепенно занимает в системе отношений второстепенное место, и такие изменения воспринимаются как естественное течение жизни.

“Жилья же не было, места не было...”

Рутинизация брачной сексуальности, обозначающая неудовлетворенность, связывается мужчинами и женщинами со специфическими условиями советской жизни. К ним относятся жилищные проблемы, недоступность контрацепции, а также отсутствие знаний и воспитание, приводящее к негативному отношению к сексу. Рассказывает мужчина: “это было ужасно, конечно. Вот матери кровать, вот моя, в одной комнате. ... Это было очень тяжело, очень тяжело. Может быть, это и сказалось...” (м, 66). У супругов часто отсутствовали даже минимальные условия для интимных отношений, и это могло приводить и приводило к сложностям в сексуальных отношениях, а иногда и к распаду брака.

Следующая проблема, вызывающая напряжение сексуальной жизни – контрацепция:

Их не было, контрацептивов никаких... Что там надо было - спринцеваться или еще что-то. Так не было же и возможностей! Жилья же не было, места не было... И потом это же вообще достаточно трудно, и хлопотно, и не так уже ... эффективно. ...Всю жизнь трясешься (ж, 59).

Хотя “отсутствие” *контрацепции* в данном случае означает отсутствие *знаний и возможностей* ее использования и недоверие к доступным средствам, но не обязательно *реальное* отсутствие контрацептивов, для многих женщин сексуальная жизнь в браке сопровождалась постоянным страхом нежелательных беременностей, секс становился опасным, не приносящим никакого удовлетворения:

Знаете, страх беременности тогда отравлял все существование в те годы... Я была под постоянным страхом... это портило нашу жизнь.. (приходилось себя) ограничивать, и способы как бы по предохранению были варварские, поэтому это было... фригидность была естественным последствием именно этих обстоятельств (ж, 62).

Следствием становятся многочисленные аборт, которые, с одной стороны, сопровождаются в описаниях чувствами страха, боли, стыда, вины, но одновременно превращаются в рутинную супружескую практику контроля над рождаемостью. Если для женщин аборт является неприятными событиями их сексуальной жизни, то мужа не всегда знают или помнят, какое количество абортов сделала их жена, и могут не знать о том, как производились аборты в государственных медицинских учреждениях.

Описывая рутинность брачного секса и неудовлетворенность им, многие информанты апеллируют к советскому воспитанию.

Начнем с того, что выросла я в жуткое время... когда все, любое, просто личность, а уж тем более сексуальность, женственность, она была задавлена, выбита из людей... И давилось – не только окружающая обстановка давила, но сама в себе давила. (ж, 59)

От этого воспитания очень трудно отойти, в нас еще заложен тот ген, который говорит: нельзя, не можно, стыдно, не положено (ж, 63).

Урезанное, народное, фрагментарное, бытовое знание о сексе, приобретенное опытным путем, в разговорах с друзьями, из художественной литературы¹⁶ формирует отношение к сексу как к “постыдным супружеским обязанностям” (ж, 59). Особенностью позднесоветского брачного сценария является отсутствие (или существенное ограничение) знаний о сексуальности и телесности, разделяемых обоими партнерами. Натурализация сексуальности, характерная для советского дискурса – “все должно происходить естественным путем” (м, 35) – делает такие знания ненужными.

“В постели все зависит от мужчины”

Рутинизация сексуальных отношений связана с гендерной поляризацией, которая приписывает ответственность и компетентность мужу/мужчине и ставит женщину в зависимость от его поведения и установок. Про свой брак рассказывает женщина 46-ти лет, вышедшая замуж в возрасте около 20 лет (в начале 1970-х годов) и прожившая в браке около 10 лет.

[Муж] был неопытный в сексуальном плане человек, у него не было культуры сексуального общения с женщиной, он даже не представлял, что может быть, он был несведущий. И его особенности были в том, что он был малочувствительный человек, человек эгоистического склада, он считал, что мужчина так себя должен вести, как он ведет, и плевать ему. Он был очень неласковый человек, лишен романтизма и многих качеств, которые привлекают. Он был просто очень порядочный. И женившись на мне, он тут же ушел работать ..., забыв обо мне напрочь. В 11 часов, приходя домой, ложась спать и справляя свои потребности, как поесть, попить. Вот так он относился к нашей сексуальной жизни. И она была убогой невероятно: оба такие, имеющие установку, что это плохо. То есть, он считал, что это вредно, а я считала, что это неприлично. И я страдала безумно. Он как мужчина получал свое удовольствие.

Развитие *брачных* отношений в данном случае описывается как проблематизация *сексуального* поведения. Причины – в отсутствии опыта, в “неправильных” установках и отношении к сексу. Такие интерпретации характерны для многих рассказов о браке, однако, как показывают другие истории, наличие добрачного опыта не меняет качества сексуальных отношений в браке. Причиной “убогой” сексуальной жизни в браке считается отношение мужчины к сексу, поскольку женщина в этих отношениях – “реципиент”, она готова получать знания и усваивать культуру сексуального общения, но если не получает и не усваивает, то оказывается “жертвой” поведения и установок мужа. Гендерная асимметрия становится гендерной иерархией, где мужчина - ответственный, знающий, активный, а женщина – вторична и подчиняема. Пассивное позиционирование себя является оборотной стороной “натурализации” гендерной иерархии в сексуальных отношениях. В таких отношениях сексуальная компетентность ожидается от мужа, и – при ее отсутствии – наступает разочарование.

Репрезентация традиционной гендерной идентичности характерна для женщин разных возрастов: “в постели все зависит от мужчины. Я не очень активна. Я всегда считала, что меня должны ублажать” (59 лет). Более молодые женщины осознают данную проблему как

---

¹⁶ Способы получения сексуальных знаний в советском обществе подробно проанализированы в Rotkirch (2000, 144-

коммуникативную: “Мальчики наши не приучены по этому поводу волноваться... а девочки не приучены требовать этого с мальчиков” (32 года).

В большинстве случаев вербальная коммуникация по поводу сексуальности с мужем вызывает затруднения: “Высказать ему мою заинтересованность в нем как в мужчине ... я считала неудобным” (ж, 57). Неудовлетворенность сексуальной жизнью редко становится предметом обсуждения с партнером, во взаимоотношениях часто отсутствуют (вербальные и невербальные) коды, позволяющие партнерам правильно расшифровывать ситуацию: “он считал, что я получаю такое же удовольствие” (ж, 62). “У [мужа]-то получится всегда, а у меня – это как бы никого не интересует” (ж, 32).

Отсутствующие коды вербального сексуального взаимодействия приводят и к случаям сексуального насилия в браке, которое, однако, редко воспринимается как таковое: “Что значит насилие со стороны супруга, с которым спишь в одной кровати в течение семи лет? Ну, вероятно, ему не хватило пяти минут для того, чтобы меня уговорить” (ж, 40).

Материалы интервью позволяют поставить проблему рассогласования женских и мужских историй: отсутствие сексуального удовлетворения фиксируют многие женщины, а мужчины этому не придают значения или утверждают, что женщина его получает. При этом в обеих (женских и мужских) версиях секс не является предметом обсуждения, в коммуникации не всегда возникают разделяемые значения, касающиеся сексуальности и телесности.

Еще одним повторяющимся образцом сексуального взаимодействия в браке является имитация женщиной сексуального удовлетворения. В условиях гендерной асимметрии и естественности сексуальности предполагается, что мужчина, в отличие от женщины, легко достигает сексуального удовлетворения. Однако подтверждение сексуальной компетентности мужчины требует, чтобы и жена получала удовлетворения. В случае отсутствия такового, женщины не хотят разочаровывать партнера и используют стратегию имитации оргазма, которую описывают как обычную сексуальную практику: “я притворялась, и делала это достаточно успешно, я хорошо этому научилась” (ж, 34).

Зависимость и пассивное позиционирование женской сексуальности приводят к тому, что при удачном стечении обстоятельств (встречи с заинтересованным опытным партнером) у женщины есть шансы на иную сексуальность, раскрытие “себя”, получение удовольствия: “что я вполне могла бы быть фригидной женщиной, не попадись мне такой вот мужчина (первый муж), не сложись так мой брак” (ж, 40).

Сходные интерпретации “естественности” сексуальности и гендерной иерархии присутствуют и в мужских рассказах. Мужчина 35 лет, в браке с 20 лет, охарактеризовавший брак как “непрерывную монотонную функцию”, описывает сексуальные отношения как “супружеский долг”, естественный процесс, который не требует разнообразия, обсуждения, рефлексивной коммуникации: “что говорить? делать надо”. Не предполагается и сексуального “экспериментирования”:

Не могу сказать, что у меня были дискуссии по этому поводу. Не было, не было... чисто естественным путем находились какие-то моменты, позиции, в которых, ... все и происходило обычно.

Разговоры о сексе - это свидетельство недостаточной компетентности мужчины. “Разговоры импотентов, которые, наверное... смакуют ... выглядят специалистами в данном случае”. Все сексуальные отношения (в браке и за его пределами) складываются “чисто естественным путем”.

Итак, рутинизация сексуальности в браке описывается как естественное изменение в процессе жизненного цикла и одновременно как следствие советских социальных условий и сексуальной социализации. Сексуальные отношения воспринимаются супругами как “природно-заданные”, не требующие знаний и обсуждения, гендерная асимметрия приводит к ожиданию от мужчин активности и оправданию женской пассивности и некомпетентности.

ДЕ-РУТИНИЗАЦИЯ БРАКА: ЧТО МЕНЯЮТ ИЗМЕНЫ?

А если рассматривать адюльтер как... увлечение... совершенно естественно, что это увлечение переходит в сексуальные отношения. А говорить, что это плохо? Ну, тут даже в таких категориях нельзя выражаться, потому что тут никто ни прав, ни виноват, влюбился человек, ну что поделаешь... (ж, 34)

В позднесоветский период моногамность супружеских отношений сохраняет свой нормативный характер. Однако в повседневности формируется другая, “теневая”, норма, согласно которой при определенных обстоятельствах и при соблюдении определенных правил допускается нарушение супружеской верности. “Везде: в литературе, в кино, в театре, в нашей повседневной жизни – мы сталкиваемся с фактами внебрачной половой жизни” (Нойберг 1967, 226).

Внебрачные связи позволяют преодолевать рутинность супружеского секса, испытывать сильные чувства (любви, страсти, ревности), получать новые знания в области сексуальности, удовлетворять “естественные” сексуальные потребности. В условиях позднесоветской либерализации легитимными становятся сценарии сексуальности, допускающие внебрачные практики и мужчин, и женщин, но сохраняющие двойной гендерный стандарт оценки поведения.

“Теневой” легитимации внебрачных отношений способствовала, во-первых, “естественная” рутинизация брачного секса, осложненная советскими бытовыми условиями. Внебрачные отношения создавали условия для обретения нового опыта и знания, в них удавалось осуществить сексуальную “ресоциализацию”. Этот опыт особенно значим для женщин, поскольку, в соответствии с гендерными установками, они ожидали научения от мужчин, и если муж оказался не в состоянии стать “учителем”, то эту роль мог сыграть другой мужчина.

Во-вторых, романтические дискурсы, нашедшие широкое распространение в культуре (русской и переводной литературе, в кинематографе позднесоветского времени), представленные в профессиональных дискурсах и в нарративах о повседневной жизни, способствовали возрастанию значимости “сильных чувств”, страсти. В официальных предписаниях “любовь” являлась основой брака (и брачного секса), а в повседневности она служила оправданием внебрачных отношений. “Сильные чувства” предстают в нарративах как неконтролируемые и неуправляемые, подчиняющие себе человека. Наряду с влюбленностями, сексуальные отношения расширяли возможности индивидуализации, усиливали значимость частной жизни, ускользающей из-под контроля, но, тем не менее, не нарушающей базовых основ советского общества.

Еще одним дискурсом, способствующим “романтической” легитимации внебрачных отношений, стал позднесоветский дискурс о дружбе (“духовная близость”), наделяющий высокой значимостью неформальное общение. Дружеское общение, общие интересы на работе постоянно создавали и воспроизводили ту среду, которая способствовала близким интимным отношениям, часто включающим и сексуальные. Работающая женщина постоянно находилась в профессиональном, чаще всего гетеросоциальном коллективе, что существенно расширяло круг ее социальных связей, по сравнению с женщиной-домохозяйкой. “Любовниками” и “любовницами” чаще всего становились коллеги или люди из близкого круга общения. Дружеские связи, включая и сексуальные, также как и “сильные чувства”, создавали ниши для эмоционально насыщенных, слабо контролируемых официальными институтами отношений.

В-третьих, легитимации внебрачного секса способствовала интерпретация сексуальных потребностей как “естественных”. Это, в первую очередь, относилось к мужчинам, “которых природа сделала не моногамными”. Утверждение и подтверждение мужественности требуют постоянного проявления сексуальной активности, в том числе за пределами брака. Верность в этом случае является сознательным моральным действием, ограничивающим естественные устремления.

“Это же с каждым случиться может”

Отношение к неверности своей супруга(и) меняется в ходе жизненного цикла семьи. В начале цикла поведение совпадает с нормативными предписаниями. На первых этапах брака обычно декларируется и соблюдается супружеская верность:

Заключая брак, [муж] также говорил о том, что он имеет смысл только при соблюдении верности. И он очень долго, надо сказать, держался, я думаю, года три он держался, и измен не было. (ж, 50)

В рассказах о сексуальной жизни многие информанты говорят о том, что моральные обязательства сохранялись на протяжении всего брака, даже если супруги не удовлетворены браком или его сексуальной стороной:

С одной стороны, я не могла так дальше с мужем жить, в сексуальном отношении меня это не удовлетворяло, с другой стороны, мне казалось, что если я заведу себе какого-то другого партнера, то я его предаю. (ж, 39)

Однако мужчина довольно быстро отступает от этой нормы, фактической нормой становятся внебрачные связи. Легитимация новой нормы происходит через апелляцию к “мужской природе” и “сильным чувствам”.

Обратимся сначала к “мужской природе”. “С кем я ни сталкиваюсь - со своими приятелями или со всеми..., хочет иметь много женщин любой” (м, 41). Эту установку разделяют большинство мужчин, в том числе и те, которых сдерживают моральные обязательства. Наш информант продолжает:

Другое дело - насколько каждый себе человек позволяет, потому что кроме секса существует... еще уважение к человеку и все прочее - много-много чего такого, что останавливает на каком-то этапе. (м, 41).

Еще один информант (35 лет), который параллельно браку вступает в многочисленные сексуальные контакты (“бывали, да, много, конечно, достаточно, практически не прекращались, да”), интерпретирует свою сексуальность как “природно-заданную”: Мужчина в его объяснении – “раб гормонов, которые впрыскиваются ему в кровь и бьют по мозгам”, “гормоны у него бьют по корке мозга”, его “сексуальные ощущения на 99% связаны с физиологией”, он “более приспособлен”, “более лабилен”, менее “ответственен”, чем женщина, у него “упрощенная сексуальная организация” (м, 35). Одновременно он исповедует “двойной стандарт” - не допускается возможность наличия любовников у жены. “Это очень дорого бы обошлось жене”. Почему? Появление сексуальных связей у жены (за исключением случайных) свидетельствует о сексуальной некомпетентности мужа – появляется “более крутой”, который “доделывает работу, которую не доделал муж”, которого, в свою очередь, “обскакали на кривой кобыле”. Отсутствие внебрачных связей у жены связывается с ситуацией ее подконтрольности, в которой она находится из-за семейных обязанностей, “у нее масса других обязанностей, ну, просто, нет того свободного времени по большому счету, которое есть у тебя”. В данном случае, как и во многих других, допускаются случайные связи у жены (о которых никто не знает, и которые не угрожают стабильности, статусу и сексуальному авторитету мужа), но не допускаются постоянные привязанности.

Сильные чувства легитимируют внебрачные связи и для мужчин, и для женщин: “тут никто ни прав, ни виноват, влюбился человек, ну что поделаешь, это же с каждым случиться может” (ж, 34). Влюбленность, параллельная браку, хотя и создавала моральную дилемму, но, тем не менее, признавалась легитимной причиной для внебрачных отношений. Для женщин супружеские измены (в том числе потенциальные) сопряжены с чувством вины. Женская “природа” не легитимирует внебрачных связей, поэтому связи и влюбленности вызывают стыд, угрызения совести, создающие барьер для вступления в иные отношения. О своей влюбленности говорит женщина 46 лет, состоявшая в браке:

Но... очень, очень была какая-то такая сильная влюбленность, я тоже там роняла тарелки, там обжигалась, там... переживания мои по этому поводу очень забавные: я просыпалась каждое

утро, и первая, значит, была радость - ах, сегодня я увижу его! А вторая, значит, такая реакция: что я изменяю не только мужу, но и всей своей семье, - т.е. я намучилась вообще от угрызений совести, еще ничего не пережив, ужасно! Я не знаю, может быть, я переступила бы если бы этот барьер, уже потом этих угрызений бы не было.

“На стороне с любовником она себя всегда раскроет”

Постепенно моральные барьеры могут преодолеваться. Рутинизация брака способствует возрастанию ценности эмоционально насыщенных отношений. Новые отношения позволяют обрести опыт, знания, новое понимание себя, телесности, сексуальности, что представляет “эксклюзивную” ценность для женщин позднесоветского времени. Интерпретация сексуальных отношений через призму любви позволяет женщине совладать с чувством вины:

Через пять лет после нашего замужества ... встретила человека, в которого страстно влюбилась. Человека уже достаточно опытного. Он был ровесником моего мужа, но он в своей жизни перебрал, наверное, много женщин и прекрасно понимал, как строятся отношения. Это была настоящая любовь, страсть. И он был в этой страсти ненасытен. И я поняла, что [это] такое (ж, 46).

Опытный и заинтересованный любовник становится учителем и обучает, “снимает комплексы”, меняет отношение женщины к своему телу, таким образом, обеспечивает женщину “эзотерическим знанием” и средствами для сексуальной идентификации. Встреча с опытным партнером воспринимается как “счастливая случайность”, дающая единственную возможность женщине обучиться, понять свое тело и получить телесное удовольствие. В рамках брака женщина чувствует себя скованной рутинной, привычкой, приличиями, и поэтому

может быть, то, что "не положено" дома, женщина получит на стороне скорее, чем дома; если дома с мужем она постесняется проявить себя в ... сексуальной жизни, то, что ей надо, постесняется, то на стороне с любовником она себя всегда раскроет (ж, 63).

Возможность сексуально раскрепоститься вне брака отмечают и женщины, и мужчины: брак оказывается той рамкой, в которой монотонность и рутинизация является одним из правил приличия. Жене приписывается верность, скромность, она соблюдает приличия в брачном сексе, в браке она в первую очередь – мать, которая постепенно становится а-сексуальной. Однако женщина-любовница может менять свои установки, экспериментировать в сексе, получать удовольствие. Мужчина 63 лет, женатый второй раз, противопоставляет позицию жены-хозяйки, с которой “исполняются обязанности” и все происходит рутинным “деревенским образом”, и влюбленной женщины, в отношениях с которой постоянно присутствует новизна и яркие ощущения. В супружеских отношениях, которые “остыли” и “любовь закончилась”, жена не допускает разговоров о сексе, его разнообразия, на супружеские отношения не удается распространить новый опыт.

Жена есть жена. Она не позволяла фантазировать...ничего особенного, все это было деревенским образом. А с ней (с любовницей) каждый день все новое...Если человек просто исполняет свои обязанности, то это житье плохое. А когда человек горит и отдает себя всей душой, тогда жизнь приятна... если остыли друг к другу, то надо иметь того, кто тебе мог бы помочь в жизни ... Я так порешил, что это труд не нужный - разговаривать на эту тему [с

женой]. Хотя разговор был на эту тему, но ответ простой был: “Что я манекенщица какая? Я жена, хозяйка. В чем дело?”. Ну, и остужает это дело, правильно? Если хотят только быть хозяйкой и варить щи, а остальное... И всякие эти позы, разнообразие и любовь - это все уже закончилось” (м, 63).

“Я же не забираю его из семьи, не увожу его...”

В интерпретации параллельных отношений происходит их разделение на случайные, незначимые, и на угрожающие, серьезные. По отношению к случайным, в отличие от постоянных, многие супруги демонстрируют свою терпимость, уменьшается двойной гендерный стандарт, в такие связи могут вступать и мужчины, и женщины:

Ну, случайные могут, это я не отрицаю. Но, систематические, постоянные - нет. Разрывай - либо - либо... Это я считаю просто не порядочно... ситуации бывают разные. Поэтому, и это я не отрицаю, случайно иногда бывает ... Ну, бывает как-то, что где-то загулял, там где-то, что-то. Я вполне не отрицаю и того, что и женщина может где-то там, но случайно, не постоянно... Это может быть, но когда уже начинается длительно, это уж не красиво, это уже не интеллигентно. (м, 66)

В отличие от случайных, постоянные связи и серьезные привязанности создают ситуацию выбора. Наличие значимых отношений, параллельных браку, может приводить к его разрушению и – иногда – к заключению нового. Измена не обязательно разрушает брак, но в случае, если измена обнаруживается, сохранить прежнюю рутину брака становится проблематичным, по крайней мере, на определенный период времени.

Стратегией “совладания” с внебрачными отношениями, встраивание их в брачный статус является сокрытие любовных связей. Успешное сокрытие не вносит существенных изменений в брачные отношения, и многие мужчины и женщины придерживаются этого сценария, соединяющего рутину брака с новизной и яркостью внебрачных связей. Если супруг(а) о них догадывается, то ревность возвращает эмоциональную (хотя и негативно окрашенную) насыщенность браку. Об отношении жены к его изменам говорит мужчина 51 года:

Проявление ревности .... становится неуправляемым, это... как вулканическое извержение неуправляемо, так вот и это. Там уже остановить, спокойно объяснить, это не принимается. Это проходит время какое-то, этот адреналинчик, и всё это уходит....

Страсть, ревность – это чувства неконтролируемые и неуправляемые, которым человеку приходится подчиняться. Однако их развитие имеет циклический характер, и со временем они проходят.

Многие мужчины и женщины утверждают, что “внебрачные связи укрепляют брак”.

Говорят незамужние женщины о женатых любовниках:

и у них с женой только еще и лучше все стало, на самом деле, потому что у него немножечко чувство вины какое-то к ней есть, он к ней проявляет больше внимания, она на него больше отвечает” (ж, 42)

Мужу хорошо, мне хорошо, ей хорошо. Я же не забираю его из семьи, не увожу его... Я не вижу в этом, что я их чем-то обижаю, что я когда-то с их мужем переспала. Ну и что. Чего тут плохого? (ж, 46)

Если внебрачные связи кратковременны и/или их наличие скрывается от супруга/супруги, они, как правило, не угрожают супружеским отношениям. Знание о внебрачных связях супруга/супруги может стать причиной прекращения брака:

Для меня это не приемлемо, для меня это исключено, разорвал бы отношения... просто чисто физически не смог бы.” (м, 58)

Она (жена) скрывала... я пытался себя убедить, что этого нет... иначе я не смог бы существовать с ребенком” (м, 53)

Женщины не столь категоричны по отношению к изменам мужей, однако, и они, в основном, не знают об изменах, если им об этом не сообщают специально.

По отношению к супружеским изменам двойной стандарт ослабевает, сокрытие внебрачных связей является правилом сохранения брака и для мужчин, и для женщин: “Я даже не совсем уверена, были ли они действительно. Как бы он их демонстрировал... я до сих пор не знаю, изменял он мне во время брака или нет” (ж, 40), “Они [мужья] последние узнают об этом” (ж, 58). Ситуация неопределенности позволяет сохранять брачные отношения, в которых супружеский секс теряет значимость, однако ценность семьи остается высокой.

Итак, брачная измена признается функционально значимой в поддержании брака. Считается, что она позволяла реализовывать чувства, “естественные” потребности, давала возможность обрести новые знания и новое понимание себя, вписать женственность /мужественность в дискурсы романтизма, разными способами преодолевать рутину брака. Внебрачные увлечения, как и любые риски, повышали “эмоциональную наполненность опыта, его интенсивность и напряженность” (Ионин 2000, 339-340). Страсть, увлечения, приключения описываются как нерациональные, запретные, опасные и привлекательные¹⁷. Интересно заметить, что и мужчины, и женщины крайне редко ссылаются на условия, ограничивающие возможности адюльтера: для него всегда находится и время, и место. Советские люди умело и компетентно выстраивали внебрачную жизнь, часто не разрушая семью и сохраняя неизменным свой брачный статус. На уровне повседневных взаимодействий они хорошо знали, что и как надо скрывать, хотя такие отношения очень часто оставались тайной только для мужа / жены.

За пределами брака внебрачные связи являлись предметом обсуждения, они также становились и средством эмоциональной связи в кругу друзей и средством повышения статуса. Наличие любовниц подтверждало мужественность (через сексуальную активность), любовников - женственность (через сексуальную востребованность и способность к чувствам). Кроме того, внебрачные связи создавали индивидуальное, интимное, неконтролируемое официозом приватное пространство. Нуклеаризация (в том числе жилищная) семей выводила супругов из-под постоянного контроля ближайшего окружения

(многопоколенной семьи, соседей), способствуя процессам индивидуализации и автономизации. Семья сохраняла свою высокую ценность, однако рутинизация сексуальных отношений в браке препятствовала “сексуальной индивидуализации”, которая могла происходить за пределами брака. При этом измена угрожала браку, усиливая его хрупкость и неустойчивость. Внебрачные связи, в том числе скрываемые, постоянно создавали ситуации конфликтов, драматических переживаний, ревности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, начиная с 1960-х годов, можно говорить о процессе дискурсивного оформления сексуальности (половых отношений), несмотря на то, что обсуждение вопросов секса было ограничено профессиональными дискурсами и/или критикой. В рамках просвещения, и еще более - в рамках критики “негативных сторон” сексуального поведения утверждалась норма брачной половой жизни, одновременно фиксировалась тенденция к разделению секса и брака.

“Половое воспитание” должно было способствовать не только просвещению, но и утверждению нормы, необходимой для формирования морали строителя коммунистического общества, подконтрольного государственной идеологии и политики. Однако знания о сексе, даже в рамках эксплицированной морали, представляли опасность и широкого распространения не получали. Усиление значимости “половых отношений” повышало ценность интимной жизни, мужественности и женственности. В процессе выведения “половых отношений” в дискурс эссенциализировались гендерные различия, предписывающие мужчине сексуальную активность и женщине зависимость. Непреднамеренным последствием эссенциализации было превращение мужественности/женственности и сексуальных отношений (особенно отклоняющихся от брачной нормы) в ресурс индивидуализации и самореализации позднесоветского человека.

Институциональная гендерная политика усиливала ценности семьи и материнства, женщина как советская гражданка должна была выполнить репродуктивные обязательства перед обществом. Хотя декларируемые государством меры не были полностью реализованы, непреднамеренным последствием такой политики становилась приватизация частной жизни, повышение ее ценности, “теневая” легитимация отклонений “интимной жизни” от нормы.

В сфере повседневной жизни, с одной стороны, воспроизводились официальные нормы, с другой – легитимировались нормы “теневые”. В биографиях брачная сексуальность предстает как рутинизированная, ограниченная советскими социальными условиями и социализацией. Сексуальные отношения, в основном, воспринимаются супругами как “естественные”, не требующие знаний и обсуждения, эссенциализация половых различий приводит к оправданию мужской активности и женской пассивности и некомпетентности.

---

¹⁷ О сексуальных отношениях в отпусках и в командировках см.: Rotkirch (2000, 178–191).

Одновременно в повседневности, при сохранении нормы моногамности, получают распространение практики нарушения супружеской верности. Они преодолевают рутину брака, способствуют получению “знания через действие”. Романтические дискурсы, ценности дружбы, представление о “естественности” сексуальных потребностей (в первую очередь-мужчины) задают фреймы оправдания измен. Сексуальные отношения способствуют индивидуализации, повышают ценность интимно-частной жизни, ускользающей из-под официального контроля.

Отметим, что рутинизация брака и ее преодоление, реконструированные по материалам биографий, хотя и являлись широко распространенными и логически встроенными в систему советского брака, разумеется, не сводится только к рассмотренным вариантам. Данное исследование было ограничено анализом биографий городских образованных слоев, отличия отдельных сред не были приняты во внимание. Здесь также не рассматривались особенности жизненного цикла семьи, связанные с заключением брака и его распадом. Необходимо отметить и то, что во всех поколениях встречается описание эмоционально насыщенных и эротически окрашенных отношений в браке, однако чаще всего такие браки не являются первыми и единственными, и их описания, как правило, даются более молодыми мужчинами и женщинами. Во всех поколениях существуют рассказы о верности в браке, независимо от степени удовлетворенности супругами сексуальными отношениями.

Возраст считается фактором, снижающим сексуальную активность, однако существуют и противоположные интерпретации, связывающие с возрастом опыт и знание, приводящие к иному пониманию сексуальности. На опыт людей, социализированных в советское время, повлияли новые дискурсы о сексуальности, и в середине 1990-х годов (когда проводилось интервью) некоторые информанты рассказывают о переоценке роли секса в своей жизни, хотя это в основном относится к среднему поколению, чья сексуальная жизнь продолжает оставаться активной. Несмотря на сохранение двойного стандарта и сексуального эссенциализма в их жизни, гораздо большее значение начинает придаваться сексуальному удовольствию, телесным и эротическим ощущениям, интимной коммуникации, переговорному процессу между супругами, что в целом характерно для более молодых, современных поколений. Телесность и сексуальность становятся рефлексивными феноменами, постепенно преодолевающими свои эссенциальные границы. Одновременно институционально рефлексивным¹⁸ по отношению к сексуальности становится общество, способствуя изменениям в сфере интимно-сексуальных-брачных отношений. Вместе с тем, коммерциализация сексуальности, повсеместное распространение дискурсов о ней приводят к рационализации и технологизации отношений, вызывая протест старших поколений. Ценности романтизма, сокрытие интимности от обсуждений, нерациональность и нерегулируемость страстей, “естественность” сексуальности и ее брачной рутинизации, “естественность”

---

¹⁸ Об институциональной (не)рефлексивности российского общества по отношению к сексуальности см.: Zdravomyslova (2001).

мужественности и женственности составляли основу повседневного морального порядка, которому “угрожают” современные трансформации.